

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

цикл «Вероятности»

Андрей Панов

Наваждение.

Часть первая

Вероятности

Андрей Панов

**Вероятности. Наваждение.
Часть первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Панов А. В.

Вероятности. Наваждение. Часть первая / А. В. Панов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Вероятности)

Цикл «Вероятности». Том 1 «Периметр». Повесть вторая. 2080 год, Воронеж. Четверо друзей оказались в круговороте событий, связанных с новейшей научной разработкой одного из них. Убийства, преследования, загадочная корпорация и неизвестные покровители — чем закончится эта история, начавшаяся странной смертью профессора физики? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Четверг, 30 мая 2080 года. Россия, Воронеж	5
Пятница, 31 мая 2080 года. Россия, Воронеж	7
Суббота, 1 июня 2080 года. Россия, Воронеж	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Четверг, 30 мая 2080 года. Россия, Воронеж

Профессор Пантелей Весёлый вышел из автобуса на остановке «Техникум» и, вложив папку подмышку, твёрдо зашагал к пешеходному переходу. Ожидая зелёного сигнала светофора, он достал платок и вытер лицо: после прохладного автобуса от уличной жары сразу же выступил пот. Профессор в свои шестьдесят с лишним выглядел достаточно молодо: худой, подтянутый, чёрные волосы совсем без проседи, а появление морщин на лице сдерживалось двукратными ежегодными инъекциями ботулотоксина.

Наконец загорелся зелёный человечек старинного светофора – заградительными световыми стенами переходы в Отрожке ещё не оборудовали, – и Весёлый, перейдя на другую сторону улицы Богдана Хмельницкого, направился вглубь квартала.

Тем временем из остановившейся неподалёку от остановки «Шкоды» вышел сотрудник его политеховской лаборатории – Сергей Харитонов. Русоволосый плотный молодой человек тридцати лет проследил взглядом за своим начальником, включил сигнализацию и тоже побежал к переходу. Но до красного сигнала не успел. Глянул на обёрнутый вокруг запястья смартфон – тридцать четыре градуса. Ну и жара! Попробуй тут побегай! А профессора терять нельзя. Никак нельзя. Сергей попытался высмотреть Пантелея Андреевича среди буйной зелени, но тот уже прошёл между полуразвалившимися пустыми двухэтажными домами и скрылся в старом заросшем дворе.

Дождавшись разрешения, Сергей стремительно перемахнул дорогу и бросился по следам начальника. Оказавшись во дворе много лет назад расселённых домов, он успел заметить мелькнувшую среди сараев белую рубашку профессора. Значит, не потерял. Отлично! Харитонов, смахнув со лба пот, не спеша пошёл к сараям, хотя называть их так можно было разве что давным-давно, когда ещё в аварийных домах вдоль улицы Богдана Хмельницкого жили люди. Сейчас постройки больше напоминали лачуги бразильских фавел: кирпичные или деревянные с кое-где надстроенными покосившимися дощатыми вторыми этажами и торчащими из окон трубами буржук. Здесь жили те, кто не уехал после расселения старых домов. Здесь пахло пивом и жареным луком, а в траве валялись бутылки, жестяные банки, бумага и прочий бытовой мусор. Нужно было исхитряться, чтобы не наступить на что-нибудь непотребное, поэтому Сергей шёл осторожно, стараясь, однако, не упускать из вида профессора. А тот уже пересёк улицу Артамонова и углубился в чуть более ухоженные дворы аварийных блочных домов.

Следуя за начальником, Харитонов думал, как ему повезло, что надо было сегодня ехать в Масловку на производство: иначе машина осталась бы во дворе дома, и – прощай вся многолетняя работа, все результаты. Ещё несколько дней назад Сергей случайно услышал странный телефонный разговор Пантелея Андреевича о передаче каких-то данных. Что и кому, понять не удалось. Однако сегодня утром, решив зайти в лабораторию перед поездкой, Харитонов обнаружил, что на информационном накопителе, хранившемся в сейфе, стёрты все данные по проекту. Сергей сразу же бросился к профессору и столкнулся с ним в дверях: Пантелей Андреевич куда-то уходил. Он даже не выслушал Харитонova, бросил только: «Все вопросы после обеда». И поспешил к лифту. Сергей вернулся в лабораторию, но, не успев захлопнуть дверь, выскочил снова в коридор: он решил проследить за профессором. Ведь не могли данные исчезнуть просто так! Да ещё этот телефонный разговор... И вот теперь Харитонов, скрываясь за кустами и деревьями, шёл по пятам за начальником, даже не представляя, что будет делать в следующую минуту.

Дойдя до «п»-образной десятиэтажки, Весёлый свернул налево – в обход. Сергей подождал, пока профессор скроется за поворотом, и быстро зашагал следом. Он так торопился, что

не заметил мужчину в линялой футболке и обвисших штанах, вышедшего прямо перед ним из пивной на углу дома. Налетев на него, Харитонов бросил:

– Извините...

– Всё путём, братишка, – не слишком внятно ответил мужчина и принялся похлопывать себя по карманам в поисках сигарет. Не обнаружив их, крикнул в спину Сергею: – Сигаретки не найдётся?

– Я не курю, – не оборачиваясь, ответил Харитонов.

Он пытался понять, куда делся профессор: пространство за домом оказалось заросшим густым высоким кустарником. Сергей нырнул в заросли и, добравшись до противоположной стороны зелёной полосы, сквозь листву окинул взглядом двор длинной девятиэтажки. Пантелей Андреевич как раз входил в один из подъездов. Недолго думая, Харитонов бросился за ним.

Следователь Крюков поздоровался с полицейским у подъезда и вошёл внутрь. Там его уже ждал молодой оперативник – лейтенант Бабичев.

– Павел Андреевич, на второй этаж – он там.

Крюков, подтянутый шатен сорока пяти лет с сединой на висках, кивнул лейтенанту и стал подниматься по лестнице. Белая рубашка с короткими рукавами, серые брюки, в руке небольшой аккуратный портфель – следователь всегда старался выглядеть, по меньшей мере, прилично на фоне мало следящих за своим внешним видом оперов.

На площадке второго этажа ногами вверх по лестнице лежал пожилой человек с пробитой головой. Вокруг толпились эксперты и полицейские. В том числе крупный, почти двухметрового роста майор Пожидаев, начальник местных оперативников, к которому и обратился Крюков:

– Ну, что у нас тут, Лёша? Рассказывай.

– Пантелей Андреевич Весёлый, профессор Воронежского технического образовательного кластера, завлаб в Политехе, – пробасил Пожидаев. – Удар по затылку тупым твёрдым предметом. Видимо, о порожек. И сломанная шея, что и послужило причиной смерти.

– Версии?

– Точно не ограбление: смартфон на месте, папка расстёгнута, но планшет не взяли. Либо сам упал, – предположил Алексей, – когда, поднимаясь по лестнице, в папку полез, либо столкнулся кто. И здесь уже простор для фантазии открывается большой.

– Либо его просто ударили чем-то по голове...

– Нет, тут кровь на порожках. Точно о них приложился.

– Что с камерами?

– Павел Андреевич, вы когда-нибудь видели подъездные камеры в Отрожке? – усмехнулся Пожидаев. – Их здесь отродясь не было! А с уличных видео уже запросили. Пришлют экспертам, они всё осмотрят и сделают нарезку.

– Понятно. Поквартирный провёл?

– Не успел ещё. Сейчас Вовку Бабичева пошлю.

– Хорошо. Давайте снимите отпечатки с папки и других его вещей, с перил и стен вдоль лестницы. Сфотографируйте всё до мелочей, а потом мне отчёт скинете.

Крюков начал спускаться на первый этаж. Пожидаев – за ним.

– Установите, в какую квартиру он шёл и зачем. И чердак не забудьте проверить: все входы-выходы.

– Понял, Павел Андреевич. Сделаем.

– Я поехал в контору. А вы с Бабичевым, как материалы соберёте, тут же ко мне.

Пятница, 31 мая 2080 года. Россия, Воронеж

Павел Андреевич Крюков за всю свою жизнь ни разу не был в главном корпусе воронежского Политеха. Теперь ему такая возможность представилась: он собирался побеседовать с коллегами профессора Весёлого.

Следователь оставил старенький «Хёндэ» на подземной парковке университета и направился к эскалатору. Двери автоматически раздвинулись, пропуская Крюкова к движущейся дорожке. Встроенные в дверную коробку датчики металлоискателя не сработали, хотя у гостя и был при себе пистолет: смартфон Павла как обычно при входе в любое учреждение послал прибору специальный опознавательный код сотрудника следственного комитета.

Эскалатор вынес Крюкова в шумное фойе: студенты в ярких одеждах со смартглассами на глазах сновали туда-сюда, несколько человек неподалёку от эскалатора что-то оживлённо обсуждали, а кто-то стоял у стенки и двигал руками перед лицом, видимо, письменно общаясь с друзьями через умные очки. Не успел следователь сделать и пары шагов, как, чуть не сбив его с ног, рядом промчалась девушка на электророликах и даже не обернулась, чтобы извиниться. Павел, улыбнувшись, лишь хмыкнул ей вслед.

Смартфон издал характерное пиликанье – сервер университета предложил установить навигационное приложение. Крюков поднял левую руку с обёрнутым вокруг запястья смартфоном и парой нажатий отклонил предложение: он предпочитал действовать по старинке. Осмотревшись, Павел заметил пилон с пятью инфоэкранами и направился к нему. Там он быстро отыскал лабораторию Весёлого и запомнил номера кабинетов.

Первым делом Павел поговорил с лаборантами и теми научными сотрудниками, кто оказался в этот день в институте. Никто не знал, зачем Пантелей Андреевич отлучился вчера с работы, и тем более, зачем он поехал в Отрожку. Все описывали заведующего лабораторией как человека уравновешенного, вдумчивого, спокойного. Ни с кем у него не было конфликтов ни раньше, ни в последнее время. Правда, как заметил секретарь профессора, тот пару недель назад стал более рассеянным: мог забыть, зачем вышел из кабинета, или куда положил ту или иную вещь. Больше никто ничего существенного сказать не мог.

И тогда Крюков зашёл в кабинет к Харитонову. Тот сидел в кресле мобильной рабочей станции, погрузившись в работу. Перед Сергеем на изогнутых креплениях кресла висели два больших монитора, а напротив почти всю стену занимал голографический 3D-экран.

– Добрый день, Сергей Митрофанович, – поздоровался Павел. – Я могу с вами побеседовать?

– Да, конечно, – выключая мониторы, ответил Сергей. – Садитесь, – он нажал кнопку на столе, от стены откинулось мягкое сиденье и выдвинулась такая же мягкая спинка. – В кабинете довольно мало места, потому я не держу тут стульев. Вы уж извините.

– Ничего, – усевшись, успокоил его следователь. – Мне удобно.

Сергей перевёл кресло в вертикальное положение, свернув, положил клавиатуру в карман, отодвинул в сторону столик и раздвинул мониторы.

– Чем я могу вам помочь?

– Меня зовут Павел Андреевич Крюков. Я следователь и занимаюсь делом вашего заведующего.

– Да, конечно. Готов ответить на ваши вопросы.

– В каких вы были отношениях с покойным?

– В дружеских. Он был моим научным руководителем при подготовке докторской диссертации, мы много работали вместе, бывало и вечерами в кафе работу обсуждали за чашечкой кофе. Но не более. Домой друг к другу не ходили, и с семьёй его я не знаком.

– Не было ли у профессора ссор с кем-то из коллег? Или, может быть, он рассказывал о каких-то неприятностях вне работы?

– Да нет. Не припомню ничего такого.

– Значит, врагов у него не было?

– Да какие враги? – улыбнулся Сергей. – Он же абсолютно неконфликтный человек.

– А в последние дни вы не замечали за Пантелеем Андреевичем каких-либо странностей?

– Нет. Всё как обычно было.

– Хорошо, – обвёл взглядом кабинет Павел. – Расскажите, пожалуйста, о своей работе. Можно не подробно, а так – в общем. Чтобы я, как человек далёкий от физики, понял.

– Ну, тут у нас не совсем физика, а, скорее, работа на стыке наук. Но я попробую. Вы, конечно, слышали про наномашины? Ну так вот. До сих пор не удавалось разработать таких нанороботов, чтобы они не только могли выполнять конкретную работу в организме, но и были перепрограммируемыми дистанционно. То есть сейчас как: сделал наноробот дело и самоуничтожился. Потому что функция у него одна, а по достижении результата она уже оказывается не нужной. Да к тому же энергия у современных роботов заканчивается быстро и не восполняется. Вот мы с профессором как раз и работали над этими двумя проблемами: перепрограммирования и восполнения энергии.

– И что, удачно?

– Да, вполне. Уже вышли на стадию опытного образца. А тут вот такой случай...

– И что, в мире больше никто не занимается этими вопросами? – допытывался Крюков.

– Ну, почему же? – без смущения ответил Харитонов. – И в Америке, и в Китае, и в Европе несколько лабораторий. Да и мы не одни работаем, а в содружестве с институтом робототехники в Москве. Сюда мы бы таких приборов не достали, какие есть в столице. Всё дело в том, – хитро улыбнулся Сергей, – что мы первые дошли до опытного образца. Если испытания удадутся, то первенство закрепится за нами, и патент будет стоить баснословные деньги.

– А если Весёлого не будет, то автором патента станете вы, правильно?

– Да, – посерьёзней Сергей. – Но вы же не думаете, что из-за этого я мог убить Пантелея Андреевича? Зачем мне это делать до испытаний? Ведь если они провалятся, то смерть профессора окажется бессмысленной. Если, извините, убивать, то после – когда патент будет, можно сказать, в кармане.

– Допустим. – Согласился Павел и использовал своё главное оружие: – А что вы делали в подъезде дома номер тридцать четыре по улице Артамонова в момент убийства Пантелея Весёлого?

Сергей замер, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

– Что же вы замолчали, Сергей Митрофанович?

– Я... кхм... Там были камеры?

– Да, там были камеры.

– Ну, тогда вы должны были видеть, что я не виноват в его смерти.

– К сожалению, камеры в самом подъезде не установлены. Я надеюсь, что вы мне расскажете, как всё было на самом деле: зачем вы преследовали профессора, и что случилось на лестнице.

– Хорошо, – Сергей встал и, подойдя к окну, посмотрел на трепещущие от ветра ярко зелёные листья деревьев, на залитые майским солнцем газоны во дворе, скамейки вдоль мощёных дорожек и студентов, чьи проблемы по сравнению с его были сейчас такими незначительными и мелкими.

– Хорошо, – повторил Сергей. – Вот что случилось. Во вторник я совершенно случайно услышал, как Пантелей Андреевич говорил по телефону о документации по проекту. Он явно договаривался о встрече и передаче этих документов. У меня промелькнула мысль: не хочет ли он продать проект? Но я не придавал ей значения. Я верил шефу и не думал, что он может на

такое пойти. Я предположил, что общался он с каким-то госучреждением по поводу отчёта. И вот вчера утром я опять совершенно случайно забежал в лабораторию...

– Совершенно случайно? – улыбнулся Павел.

– Да, случайно, – подтвердил Сергей. – Я должен был ехать в Масловку на производство и забежал, чтобы перепроверить кое-какие расчёты. Включаю компьютер, а там пусто! Запускаю программу восстановления данных – ничего. Я – к сейфу: достаю диск, зашифрованный, запароленный. Подключаю – и там пусто. Вы представляете, что со мной случилось?! Проект исчез. Бесследно исчез: расчёты, документы, схемы, модели, всё! Я кинулся к шефу, а он уходил как раз. Отмахнулся от меня двумя словами и дальше пошёл. Тут я и подумал снова о продаже проекта. Поехал за ним. Вошёл он в подъезд, я пока через двор добежал, вхожу и слышу – спорят на лестнице в полголоса. Я у двери на первом этаже остановился, а они там что-то о деньгах говорят – мне плохо слышно было, не разобрал. Вдруг кто-то из них упал, а второй по лестнице побежал. Я уж испугался, что ко мне, а он нет – наверх. Я тогда подождал минуту и поднялся туда: шеф лежал на лестнице мёртвый – я артерию на шее пощупал. Что я мог сделать? Я и ушёл.

– И в вещах его, конечно, вы не копались?

– В вещах?

– Да ладно вам, Сергей Митрофанович, – махнул рукой Павел. – Там ваших отпечатков и ДНК выше крыши.

– Да, я искал флешку с документами.

– Ну и как, успешно?

– Нет. К сожалению. Видно, тот, второй, забрал, – Харитонов снова сел в кресло.

– Почему полицию не вызвали?

– Так меня же первого и обвинили бы! Вы же и сейчас меня подозреваете, так ведь?

– Не скрою, – признался Крюков, – подозреваю. Пока ваша версия очень шаткая.

– А вы не разобрались, куда шёл профессор?

– В квартирах того подъезда никто подозрительный не проживает. Жильцы ничего не видели и не слышали. Я вот сейчас думаю, может быть, его приглашали в квартиру, а ждали в подъезде? Взяли флешку, столкнули с лестницы и через чердак... Ну да ладно, вам это ни к чему.

Павел встал:

– Спасибо, Сергей Митрофанович, за разговор. Протокол я составлю и пришлю вам на подпись в понедельник. И не уезжайте, пожалуйста, из города в ближайшие дни. Подписка о невыезде уже должна прийти на ваш смартфон. До свидания.

Крюков вышел. Харитонов, замерев, несколько секунд сидел, сжимая подлокотники кресла, а потом со всей силы ударил ладонью по одному из них и тихо выругался.

Павел шёл по светлым коридорам университета и пытался систематизировать всё, что услышал: «Итак, профессора убили из-за научного проекта. Хотел ли он его продать или передать по иным причинам – не известно. Кому – тоже не ясно. Почему же его убили? Не хотели платить? Ссора из-за суммы? А может, Весёлый отказался отдавать проект? Но тогда ему не надо было идти на встречу. Нет, эта версия отпадает... Теперь Харитонов. Тут несколько вариантов. Он скинул завлаба с лестницы и забрал флешку. Но почему он молчит об этом? Хочет сам продать? Или просто боится ареста? Второй вариант: Харитонов убил Весёлого, но флешку не забрал. Почему? Не нашёл? Вряд ли. У профессора не было флешки? Но тогда опять же – зачем он пришёл на встречу? Нет, флешка у Весёлого была. Была. И сейчас она либо у заказчиков, либо у Харитонова».

Павел спустился на стоянку и сел в уже заведённый автомобиль.

«Если заказчики получили, что хотели, то это всё – “глухарь” нам обеспечен. Поэтому будем надеяться на то, что флешка у Харитонова: тогда с ним попытаются выйти на связь. А мы будем неподалёку».

Выворачивая из Политехнического переулочка на проспект, Крюков позвонил майору Пожидаеву:

– Лёша, я тебе сейчас файл сброса – там разговор интересный. С Сергеем Харитоновым... Да, только что от него. Ты пошли экспертов в институт – пусть изымут все компьютеры и инфонакопители в лаборатории и проверят, можно ли восстановить информацию. Ну и, может, ещё что интересное накопят. Сделайте побыстрее и к понедельнику обязательно верните – людям работать надо. А Харитонova бросать нельзя: пусть за ним «глазик» полетает несколько дней. У подъезда кого-нибудь поставь на всякий случай. И полную опеку по схеме: телефоны, почта, мессенджеры... Ну, ты знаешь... Да, и ещё. Пусть твои ребята поищут случаи нелегальной покупки технологий у нас и за рубежом за последних лет десять. Послушаешь файл – поймёшь, о чём я. Хорошо? До связи.

Сергей не стал долго засиживаться на работе, тем более, что без файлов проекта и делать было нечего. Он отключил компьютер, положил клавиатуру в карман и уже собирался выходить, как зазвонил смартфон.

– Харитон, я уже тут, – раздался голос его друга, Кирилла Грачёва. – Ты скоро?

– Выхожу уже.

– Ну, давай. Я у центрального.

Сергей вышел из кабинета, дверь за ним закрылась, щёлкнув замком, и коротко пикинула. Харитонов глянул на смартфон: иконка включённой сигнализации загорелась – всё в порядке. Он заглянул в соседнюю комнату, попрощался с сотрудниками до понедельника и направился к лифту.

По пятницам они с Кириллом Грачёвым и Ярославом Васильевым обычно ездили к Васе Гусельникову в его квартиру на сорок четвёртом этаже небоскрёба неподалёку от Кольцовского сквера. Там они ужинали на террасе, пили вино (а иногда и что покрепче) и общались.

Сергей и Кирилл были одноклассниками, но до старших классов тесно не общались: Харитонов родился в семье учительницы математики и фельдшера, а Грачёв – сын генерала, начальника городской полиции. Это были абсолютно разные миры: Кирилл часто приходил в школу в обновках и любил покрасоваться перед девчонками, а Сергей, хоть и не был обрванцем, но особенно не выделялся из общей массы. Однако он отлично учился, занимался спортом и играл в школьной волейбольной команде, что добавляло ему очков по сравнению с одноклассниками.

С соседом по дому Мишкой Разгоняевым они были друзья – не разлей вода. Вместе играли в волейбол, ходили в кино, встречались с девушками. Одно только их рознило: Мишка не любил читать, а Сергей, напротив, обожал, причём именно бумажные книги. У его матери сохранилась небольшая библиотека – книг двадцать, – и в раннем детстве Сергей очень любил листать томики с пожелтевшей бумагой, хотя и не понимал ещё, что там написано. Почему-то он сразу уяснил, что книги нельзя рвать и мять, а на страницах нельзя рисовать. Когда ему попадала в руки очередная книга, Сергей замолкал и не тревожил родителей часами. Они удивлялись его поведению и пользовались этим, а для Сергея такие моменты переросли в глубокую любовь к книгам на всю жизнь.

Уже в школе Харитонов начал самостоятельно искать по городу старые книги и открыл для себя антикварный магазин Клепикова. Он подолгу бывал там, рассматривая разнообразные томики, отпечатанные, в основном, в двадцатом веке. Пожилой владелец магазина Василий Петрович понимал, что мальчик не может их купить, но видел его заинтересованность и

бережное отношение к книгам, а потому не выгонял Сергея. Потом они подружились, и Клепиков даже стал давать Харитонову почитать кое-что из товаров.

Однажды, когда Сергей заканчивал десятый класс, в магазине он столкнулся с Кириллом. Оказалось, что Грачёв тоже туда нередко наведывался, только его страстью были деревянная мебель и всяческие кованые вещицы. Они разговорились, а по пути к автобусной остановке Кирилл признался: «Когда-нибудь это всё будет стоять у меня дома». Сергей с удивлением узнал, что его одноклассник тоже любит читать, но из бумажных книг покупает только подарочные, красиво оформленные экземпляры. «Представляешь, как она будет смотреться на этих полках?» – мечтательно говорил Грачёв, поднося очередной художественный альбом к одному из вековых шкафов в магазине. Одноклассники стали часто приходить к Василию Петровичу вместе, обсуждать книги и пить чай: Клепиков был одинок и очень радовался таким посиделкам.

Вскоре у Кирилла умер от рака отец – герой революции 2047 года, генерал Михаил Грачёв. Сергей, махнув рукой на волейбольную команду и дружбу с Мишкой, больше месяца почти не оставлял друга одного, не давал ему скатиться в депрессию. Тогда-то Кирилл и рассказал Сергею о своём обещании, данном отцу за несколько дней до его смерти: он поклялся отыскать тот город, где родился генерал, и сделать всё возможное, чтобы освободить его жителей. Харитонов с изумлением и возмущением слушал историю о Периметре и не верил, что такое место ещё может существовать в их стране. Но дал другу слово, что поможет в поисках, чем сможет.

В те дни Харитонов познакомился с давними друзьями Грачёва – Гусельниковым и Васильевым. В отличие от Сергея у них всегда водились деньги, поэтому троица была завсегдатаями баров и клубов. Сергей поначалу отговаривался от предложений отправиться куда-нибудь вместе, но потом то ли Кирилл что-то сказал, то ли его друзья сами догадались, но как-то раз весельчак Василий подошёл к нему, положил руку на плечо и сказал: «Серёга, забей. Я тебя понимаю, но ты теперь один из нас. И твои заморочки значения уже не имеют: здесь никто никому ничего не должен. У кого деньги, тот и платит». Харитонов не поверил его словам, но вскоре понял, что это правда: и Василий, и Ярослав относились к нему, как к близкому товарищу, и никогда не требовали заплатить больше, чем он мог себе позволить. Они веселились в клубах, плавали на катерах по водохранилищу, зимой гоняли на лыжах и снегоходах. Сергею с ними было легко и приятно. Он окончательно забросил волейбол, стал реже видеться с Мишкой, а когда они поступили на разные факультеты ЦЕФУ, потерял его из вида окончательно.

В университете Сергей с Кириллом учились вместе на физическом факультете. После получения магистерского диплома Харитонов ушёл в аспирантуру в Политехнический университет, а Грачёв остался на физфаке. Там, в Политехе, Сергей и соприкоснулся впервые с медицинскими нанороботами или, как их называли в лаборатории, нарами. Он защитил докторскую диссертацию и остался у Пантелея Весёлого работать над подающим большие надежды проектом. А Грачёв тем временем в придачу к своему диплому доктора физики получил небольшую лабораторию, где начал заниматься своей любимой темой – киборгизацией и нейроинтерфейсами. Друзья не теряли связь и встречались часто, а по пятницам обязательно собирались вчетвером у Василия Гусельникова либо на нейтральной территории – в баре или клубе.

Сергей заметил Кирилла сразу: тот стоял неподалёку от входа и что-то увлечённо рассказывал двум студенткам. Выглядел Грачёв самым настоящим щёголем. Впрочем, как обычно. Черноволосый с объёмной стрижкой британкой и серьгой в левой ноздре Кирилл был одет в оранжевый угловатый пиджак без лацканов и белые брюки. Образ завершали несколько перстней на обеих руках и вечная полоска смартгласса на глазах. В последнее время Грачёв, наверное, только спать ложился без него. Хотя Сергей допускал, что даже ночью он мог не снимать очки.

– Привет, – подошёл к троице Сергей.

– Хай! – улыбнулся Кирилл и обратился к собеседницам: – Прошу меня простить, девушки, за мной пришли. Доктор Харитонов не любит ожиданий. Очень приятно было с вами поболтать. Надеюсь, на выходных мы увидимся. Бай!

Когда друзья отошли на несколько метров, Сергей сказал:

– Ты в своём репертуаре: быстро себе компанию находишь!

– Ну, а что?! Одному отдыхать два дня что ли? Девочки вроде умные: никаких глупых постов в профилях. Будет, о чём поговорить, да и не только...

– А раскрас такой – тоже для этого?

– А как же! Тут же студенты вокруг: кислота, радуга и тому подобное. Что ж я, как дурак, в твидовом костюме буду девчонок кадрить? Кстати, хорошо, что напомнил.

Кирилл совершил несколько движений пальцами перед очками и брюки стали чёрными, а пиджак окрасился в респектабельную мелкую коричневую клетку.

– Вот теперь я готов для вечера в приличном обществе, – сказал Грачёв. – Кстати, автобус в центр только через десять минут будет, можно не спешить.

Друзья спустились на эскалаторе в подземный переход, чтобы выйти к остановке на другой стороне дороги.

– О! – воскликнул Кирилл. – Смотри, какое винчишко нашёл уругвайское: пятничная реклама постоянно мне что-то нужное выкидывает. Да глянь ты на свой смартфон: я тебе послал ссылку.

Сергей отцепил от запястья устройство и посмотрел на бутылку.

– Ну как?

– Да, такое мы ещё не пробовали...

– Вот! Сейчас закажу, и нам его доставят прямо к дому, когда мы подойдём. Пары бутылок хватит, думаю.

Сергей снова обернул смартфон вокруг запястья. В этот момент от рекламного экрана во всю длину стены отделился голографический мужчина в костюме, зашагал рядом с друзьями и начал убеждать их купить новую модель смартгласса, показывая товар со всех сторон и рассказывая о новых функциях. Сергей провёл рукой по крестик над головой мужчины, и тот пропал.

– Тебе не надоели эти приставания? – хмыкнул Кирилл. – Вот сколько тебя вижу, каждый раз удивляюсь: неужели тебе удобно смартфоном пользоваться? Заворачивать-разворачивать каждый раз? Вот очки – это вещь! Они же не отстанут, пока не купишь.

– Ну, куплю, а дальше-то что? Пользоваться ими всё равно не буду: там же реклама всё поле зрения забивает! Всё мигает, мелькает, консультанты отовсюду лезут... И убрать нельзя. Как люди привыкают к этому?

– Реклама – это плата за удобство. И именно поэтому убрать её нельзя. Зато сколько преимуществ! Я вот не знаю, что и делал бы без моих очков: не будешь же постоянно в руке смарт таскать и нацеливать то на человека, то на магазин, то ещё куда! Ты вот этого не делаешь и какого объёма информации лишаешься! Я пока с девчонками болтал, успел и профили их в соцсетях поглядеть, и фото сделать, и контактами с ними обменяться. А ты бы на моём месте только поговорил и всё. Это же ужасно неудобно!

– Не, Кирилл, реклама для меня большее значение имеет. Ну раздражает она меня. Эти-то голограммки на улицах всегда вырубить можно, а тут...

– Твоё дело. А я уже почти накопил на киберхрусталик. Уже на октябрь записался на операцию. Тогда и очки не нужны будут: всё встроено в него! Вот только наушник таскать придётся – в нём приёмник-передатчик. Ну, ничего: вот сделаем скоро биочип, запустим в производство, и я первым его себе воткну в мозг. Тогда никаких проблем не будет вообще: все гаджеты в мусорку! Жду не дождусь.

Подошёл длинный двоянный автобус. При входе Сергей провёл рукой со смартфоном перед устройством бесконтактной оплаты.

– Вот видишь, – заметил Кирилл, – опять лишнее движение. А я уже на остановке, заранее, оплатил проезд. Удобнее ведь, согласись?

Шестидесятиэтажный монолит из стекла и бетона на улице Алексеевского встретил друзей радушно – и дворовая калитка, и подъездная дверь гостеприимно раскрылись при их приближении: Василий, как всегда в пятницу, заранее включил программу распознавания своих гостей по сигналам их коммуникаторов. У подъезда Сергея и Кирилла уже ждал зависший в воздухе дрон-доставщик с фирменной коробкой винного магазина в цепких манипуляторах. Заметив заказчиков, робот снизился и опустил в руки Грачёва коробку. Затем взмыл в воздух и скрылся из вида.

– Ну, вот! – порадовался Кирилл. – Теперь можно и наверх.

На скоростном лифте друзья поднялись на сорок четвёртый этаж. Сразу включилось освещение на лестничной клетке с единственной дверью – квартиры Гусельникова. Хозяин, ростом под два метра, крепкий, подтянутый, уже ждал гостей на пороге. Василий был одет в безупречно скроенный старомодный костюм-тройку и гладко выбрит. Рыжие волосы зачёсаны на правый бок с длинной чёлкой, слева – коротко обриты, почти наголо.

– Вы сегодня рано, – сказал Гусельников. – Ярика ещё нет. Но я его сейчас потороплю. Заходите.

Василий был почти на два года старше Сергея с Кириллом и на три года старше Ярослава, но почему-то только с ними, а не с одноклассниками или однокурсниками, у него сложились близкие отношения. Может быть, потому, что Грачёв и Васильев в детстве не насмехались над ним – тогда ещё толстым и неповоротливым мальчиком, – а наоборот, прислушивались, как к старшему, и всегда поддерживали его идеи. Их семьи часто встречались, и Вася с нетерпением ждал выходных, уставая от одиночества и школьных обид.

Отец – губернатор Воронежской области – пытался помочь сыну, разговаривал с ним о его проблемах, учил твёрдости, терпению, а когда Васе исполнилось десять лет, оборудовал целый физкультурный зал в их загородном доме и заставил сына регулярно заниматься спортом. Вскоре Вася привык, втянулся и уже с радостью проводил за тренажёрами по несколько часов ежедневно. К старшим классам он значительно похудел, сильно вырос и стал мускулистым привлекательным парнем. Многие одноклассники стремились подружиться с Василием, но он догадывался, что побуждает их к этому должность его отца. К тому же он не собирался забывать обиды, нанесённые ему в детстве этими же людьми. Поэтому Василий считал друзьями только двоих – Кирилла и Ярослава, а потом и присоединившегося к ним Сергея.

В университете Гусельников учился на экономическом факультете, закончил магистром и сразу поступил на службу в городскую администрацию. Через три года женился на одной из сотрудниц, а ещё через полтора у них родилась дочка. Карьера Василия тем временем шла в гору, и в 2078 году он стал вице-мэром Воронежа.

Квартира на Алексеевского была не единственным жильём Гусельникова: в посёлке Ямное, ставшем частью города ещё в 2060-х, он построил большой дом с парком и бассейном, где и жил постоянно с семьёй. Квартиру же использовал для встреч с друзьями и других мероприятий, в будущем намереваясь отдать её дочке.

Двухуровневая квартира с большой террасой занимала два этажа целиком. Обставлена она была минималистично, но со вкусом: никаких кричащих цветов, никакой вычурной мебели. Всё строго и респектабельно. В соответствии с положением владельца.

Друзья прошли в обширную гостиную, Кирилл сразу плюхнулся в кресло и начал выбирать себе коктейль на сенсорной поверхности невысокого столика. Сергей вышел на террасу и

окинул взглядом открывшийся вид: водохранилище, Чернавский мост и небоскрёбы на левом берегу. В безмятежном воздухе клонящегося к вечеру дня город выглядел очень красивым.

– Тебе какой коктейль заказать, Серёг? – окликнул его Кирилл.

– Никакой. Я «Байкала» выпью. Остуди его только градусов до пяти.

Когда Харитонов вернулся с жаркой террасы в прохладную гостиную, на столике уже стояли бокалы и тарелка с канапе.

– Перекусите пока, – предложил Василий. – Ярик минут через десять явится.

– Ужин сегодня ты ведь заказывал? – попивая коктейль, спросил у него Кирилл. – Какими изысками порадуешь?

– В этот раз будет грубая мужская жратва: стейки, картошка, всё такое. К шести должны доставить.

– Расслабляешься сегодня?

– Ну, надо хоть иногда, – подмигнул Василий. – Не всё же овощами да соей питаться. Тем более, когда спортзал под рукой.

– И в этом я тебя полностью поддерживаю! Мы тут с Харитоном вина принесли уругвайского. Должно быть очень даже. Так что сегодня – винный вечер. У тебя в запасах что-то есть ещё?

– Разумеется! – усмехнулся Василий. – Французское, африканское, крымское... Выбирай любое.

– Великолепно! – Кирилл откинулся в кресле, которое тут же приняло удобную для него форму. – Отдохнём... А то заработался я что-то на этой неделе.

– Слышал я про твоего завлаба, – обратился к Сергею Василий. – Печальная история.

– Да уж куда печальней... Все данные пропали к чёртовой матери. Со всех носителей. Сегодня копы технику на экспертизу забрали – может, что-то удастся восстановить...

– Ничего себе! – удивился Кирилл. – Как же ты теперь? Патент, производство – как это всё?

– Да кто его знает, – отмахнулся Сергей.

– И дома у тебя ничего не сохранилось?

– Так, обрывки только. Черновики черновики.

– А у москвичей? А в Масловке?

– У всех только необходимые им части. А сами системы, принципы – всё у нас было.

Василий Гусельников встал:

– Я сейчас свяжусь с начальником полиции – попрошу, чтобы расшиблись, а данные восстановили. Не могли они бесследно пропасть. Что-то должно остаться.

Он вышел из гостиной, а Кирилл наклонился к другу и спросил:

– Как всё произошло – знаешь?

– Знаю. В Отрожке в подъезде ему голову разбили.

– Чёрт! Что его туда понесло-то?

– Хотел продать проект. Но самое главное, что подозревают-то меня теперь.

– Как это?

– Я следил за профессором, и меня камеры засняли.

– Да-а, положение... Что думаешь делать?

– Не знаю пока, посмотрим.

Тут из прихожей донёсся приятный женский голос:

– Приехал Ярослав Васильев.

– Ну вот и Ярик подошёл! – улыбнулся Кирилл. – Надеюсь, новости мне принёс.

Ярослав Васильев, невысокий полноватый двадцатидевятилетний парень, был одет в широкие светло-зелёные капри-карго и песочного цвета рубашку. Он носил аккуратную шкиперскую бороду, а чёрные волосы забирал сзади в хвост.

Ярослав был программистом и заместителем директора компании, специализирующейся на разработке электронных приборов и программ к ним. Он не захотел пойти по стопам родителей-биологов, чтобы не посвятить жизнь лишь выходу из их тени.

Детство в семье директора ботанического сада и заведующего университетской кафедрой было не самым радостным: для окружающих маленький Ярик был только «сыном вождя революции Светослава Васильева». Все вокруг его хвалили за любой чих, восхищались им. Родители соседских мальчишек и девчонок, а потом и одноклассников, приглашали Ярослава на дни рождения своих детей. Он часто открывал школьные торжества, ему поручали главные роли на праздниках, особенно если в школу приезжал кто-то из высших чиновников. Васильев был круглым отличником, и его фотография занимала центральное место на «Доске почёта», а школа получала определённые преференции за то, что в ней учился «сын Васильева».

Поначалу Ярик не понимал скрытого смысла всего происходящего, не видел лицемерия, он на самом деле верил в свою исключительность. Но лет в двенадцать вдруг заметил, что даже если не ответит на вопрос учителя, всё равно получит отличную оценку. Он начал присматриваться к поведению окружающих, проверять их, и понял, что всё – обман. По крайней мере, большая часть. И вот, в восьмом классе Ярослав провёл большой эксперимент – бросил учиться на полгода: не отвечал на вопросы учителей, «заваливал» тесты, прогуливал уроки. Однако в конце полугодья снова увидел в таблице отличные оценки.

Тогда Васильев решил изменить свою жизнь. Он перестал участвовать в школьных и районных праздниках, оборвал дружбу со всеми лицемерами и обманщиками, стал говорить только правду и не скрывать своего мнения ни о ком и ни о чём. Однако в то же время Ярослав начал усиленно учиться: он задумал стать непохожим на отца, но равным ему по способностям, чтобы никогда больше при встрече никто не восклицал с придыханием «Сын Славы Васильева!»

И только в компании Василия и Кирилла он чувствовал себя свободно, самым собой. Особенно привязался к Гусельникову – он чувствовал в нём родственную душу и понимал, что детство друга тоже было полно разочарований и обид. Поэтому с Васей Ярик сдружился особенно близко, и эта дружба не прошла до сих пор, хотя они часто подтрунивали друг над другом и яростно спорили по многим вопросам.

– Здорóво! – встретил друга в прихожей Василий.

– Привет, – буркнул Ярослав, кидая маленький рюкзак на пол.

– Что невесёлый такой?

– Да у подъезда прямо под ноги кошка какая-то спрыгнула. С козырька, наверное... Я не понял. Брр! Ты же знаешь, как я их терпеть не могу. Она ещё и о ноги потереться успела! Я уж их и салфетками антибактериальными несколько раз вытер, пока поднимался, а всё равно противно. Пойду в ванную помою. Ты не против?

– Нет-нет, конечно.

Василий вошёл в гостиную и ухмыльнулся:

– Ярика кошка соседская чуть не съела! Отмываться пошёл.

– А ты что, без очков что ль был? – спросил у появившегося в комнате Ярослава Кирилл. – Они же у тебя запрограммированы на кошек.

– Да... – махнул рукой Ярослав. – У меня от них и так голова пухнет за весь день работы. Как специально: только снял – и вот она, чтоб её!

– Ну, живой, и хорошо, – подытожил Кирилл. – Сейчас мяска́ привезут: представь, что это та кошка, а ты её хищно раздираешь зубами, кромсаешь ножом... – Друзья рассмеялись. – Месть иногда бывает так приятна!

– Иди к чёрту! Ты хочешь, чтобы я теперь к ужину не притронулся?

– Да ладно, забудь, – сказал примирительно Кирилл. – Выпей вот коктейльчика – специально для тебя сделал.

Он поднялся с кресла и, подойдя к коктейльному аппарату, вынул из него бокал с зелёной жидкостью и льдом.

– Держи. Холодненький.

– Ты ещё не слышал, что у Сергея произошло? – спросил Ярослава Василий. – Завлаба грохнули, и вся информация по проекту исчезла.

– Да ну?! И что теперь?

– Не знаю, – ответил Харитонов. – Пока ещё не думал. Мозги пока не собрал в кучу.

– Ну, это мы тебе сегодня поможем! – пообещал Кирилл. – Расслабишься, глядишь, и мысль какая придёт.

С террасы донеслось негромкое жужжание: это дроны расставляли на столе коробки с ужином.

– Ну, вот, – встал Василий, – дождались. Пойдёмте.

После ужина, когда на улице стало прохладнее, друзья расселись на террасе в удобных креслах и продолжили потягивать вино, закусывая сыром и фруктами.

– Ярик, что там с моим делом? – спросил Кирилл. – Нет подвижек?

– Пока нет. Ты ж понимаешь, я только в свободное время этим занимаюсь. Структур у нас в стране множество, у всех свои базы, некоторые с очень сильной защитой, до многих через Сеть и не добраться вовсе – так быстро всю эту кучу не наломаешь. Но ты не бойсь, найдём мы Периметр. Если он где-то по базам проходит, то обязательно найдём.

– А мне тут на днях мысль пришла, – вступил в разговор Василий. – Сейчас у нас на медицину выделяют хорошие госгранты. Вот я и подумал, что если Серёга напишет проект по испытанию нарвов на людях с врождёнными патологиями для госпрограммы? А я бы поехал в Москву к господам из комитета и намекнул на возможность испытаний в Периметре. Это же для них рай будет: спрашивать согласия у пациентов не надо, платить никому не надо, если что, то и отвечать не надо. Должны ухватиться за идею, а?

– Да, всё бы хорошо, – вставил Сергей, – да вот только проект пропал. Где я им возьму данные, модели голографические? Да и опытный образец ещё не испытан.

– С образцом вообще не проблема! – отмахнулся Василий Гусельников. – Напишешь, что всё в порядке – им и так сойдёт. А вот со всем остальным – да, косяк. Но ты всё равно начни писать: вдруг найдут данные? Или хотя бы ту часть, что для презентации нужна... А я уж там как-нибудь поднажму потом. Трудно будет – батю подключу. Вместе продавим... Эх, Ярик, Ярик... Вот если бы твой славный Светослав Леонидович не взбрыкнул в своё время и не ушёл от нас в университет, то уж втроём-то мы быстро бы это дело провернули! А теперь мне одному там воевать.

– Отец не «взбрыкнул», а ушёл по совершенно чётким соображениям. И ты это прекрасно знаешь.

– Знаю-знаю. Да только легко вот так взять и отмахнуться от всего, груз с плеч сбросить и пойти со студентами цацкаться. А мы с батей разгребай!

– Тебя тогда ещё и в проекте не было, – огрызнулся Васильев. – «Мы»!

– Тем более, – не смутился Гусельников. – Одних их с Михаилом Дмитричем оставил. Трудно помочь-то было? При всей его популярности!

– Он не хотел иметь никаких дел с амерами. У тебя в голове это не уложилось ещё? Или для тебя это не значительное основание?

– Да, не значительное, – Гусельников встал и, подойдя к перилам террасы, обвёл рукой вид на водохранилище. – Какие амеры? Где?

– А кто у нас экономикой рулит? Кто нефть с газом качает, руду добывает, тебе напомнить?

– А тебе какая разница? Они налоги платят? Платят. Ну и всё. Когда наши качали, разве по-другому было?

– Они никакого права на всё это не имеют.

– Да? И революция без них вот так бы вот просто произошла?

– Ты знаешь, что я думаю по этому поводу, – сдержанно ответил Ярослав. – Они не могли сделать то, что им приписывают.

– Но ведь сделали!

– Нет. Спецгруппа ЦРУ не могла одним махом вырубить половину московской полиции и лишить боеспособности подмосковные военные части. Это сделали не они.

– А кто тогда?

– Я не знаю.

– Почему вы, Васильевы, так упёрлись в эту версию? – развёл руками Гусельников. – Из-за личной неприязни к амерам? Твой отец от управления отстранился, и ты никак не успокоился!

– А вы в покое оставить не хотите. Ушёл отец, так и не вертели бы вокруг него это всё!

– Ага! – воскликнул Василий. – Мученика из себя захотел сделать?! Друзья-революционеры, дескать, выгнали из компании? Нет, хрена с два! Этого допускать было нельзя. Поэтому Московский проспект переименовали в Васильевский, поэтому в Музее Революции центральное место занимает биография Светослава Леонидовича, поэтому его бюст стоит в холле главного корпуса университета. Спроси любого моложе двадцати лет, что это за памятник Славы у нас в городе? И он ответит, что это памятник Славе Васильеву. Девять из десяти так ответят!

– Да отца уже тошнит от всего этого! И меня тошнит! – вскипел Ярослав. – Я не хочу быть всю жизнь сыном Светослава Васильева – великого революционера. Тьфу! Как вы все меня достали!

– Да что ж ты никак понять-то не хочешь?! У твоего отца был вес, он мог бы принести городу гораздо больше пользы, чем даже мой отец. Но он ушёл и стал заливать про амеров.

– А разве он не прав?

– Прав, не прав – не это главное! Ты же знаешь, мне плевать на амеров. Мы с отцом для города работаем и в играх американских стараемся не участвовать.

– Но иногда приходится, да?

– Кончайте уже! – попросил Сергей. – Вы при каждой встрече будете собачиться? Не надоело?

– Ладно. – Махнул рукой Василий и примирительно с улыбкой сказал: – Это у нас такая регулярная проверка убеждений. Щупаем жирок друг у друга – не вырос ли? Правда, Ярик?

– Да, – Васильев снова откинулся в кресле. – Надо иногда давать себе встряску. Полезно. Налей, Вась, того африканского чуть. Уж больно хорошо.

Кирилл наклонился к Сергею и тихо сказал:

– Пойдём в комнату. На пару слов.

Они оставили друзей на террасе и вошли в гостиную. Кирилл кинул в рот виноградинку и сказал:

– Ты знаешь, что Светка Черкашина вернулась? Я её вчера случайно встретил.

– Ну и?

– Что «ну и»? – удивился Грачёв. – Это всё, что ты хочешь сказать? Говорю же: Светка вернулась.

– Я тебя понял, Кирилл. Но что мне теперь – от радости скакать? Столько лет прошло...

– И тебе даже не интересно, оставила ли она мне контакты, спрашивала ли о тебе?

– Ты же и так скажешь, – усмехнулся Сергей.

– Да, скажу, – продолжая есть виноград, хитро сощурился Кирилл. – Спрашивала. И очень была бы рада встретиться. А если ты стесняешься спросить, то я отвечу – она не замужем. И совсем-совсем одна. А? И теперь контактиками не заинтересуешься?

– Ладно, ладно, – засмеялся Сергей. – Давай уже сюда.

– А я тебе уже послал. Так и знал, что не откажешься. У тебя просто оповещалка выключена.

Сергей развернул смартфон и прошёл по ссылке на соцпрофиль Светы. С фотографии на него смотрела улыбающаяся зеленоглазая брюнетка, совсем не изменившаяся за больше чем десять лет, что они не виделись. Сердце сжалось и на мгновение перехватило дыхание: неужели она снова здесь? Неужели всё можно вернуть? Неужели?..

– Засмотрелся? – вытянул его из иных миров Кирилл. – Да, тебе повезло... Что она в тебе нашла?

Сергей покосился на друга с деланной злобой.

– Всё-всё, молчу! – замахал руками Грачёв. – Пошли на воздух – тебе отдышаться надо, я смотрю.

Уже за полночь Сергей ехал домой в полупустом автобусе и думал о Свете, рассматривая её фотографии. Черкашина окончила новосибирский медицинский университет, стала дипломированным косметологом, имела множество наград и сертификатов. И теперь вот решила вернуться в Воронеж, город своего детства, чтобы работать над внешним видом его жителей. У Сергея промелькнула удивительная мысль: неужели она его не забыла и приехала ради встречи с ним? Это было бы, конечно, приятно, но почти не реально.

Задумавшись, Харитонов случайно выпустил из рук смартфон, и тот упал под сиденье. Сергею пришлось встать и наклониться, чтобы отыскать его. Поднимаясь, он невольно бросил взгляд на задние ряды и, только усевшись обратно, понял, что заметил нечто странное. Или кого-то. Сергей осторожно повернул голову: так и есть – это он. Не может быть! Нет, это кто-то другой, просто похож. Он и видел-то его несколько секунд всего! Просто стресс да вино сделали своё дело. Харитонов снова оглянулся. Сомнения рассеялись: это был мужик из Отрожки, с которым он столкнулся у пивной. Только одет он был не в ту бомжовскую одежду, а довольно прилично. Что мужик делает здесь, в одном автобусе с ним? Случайность? Сергей обернул смартфон вокруг запястья и встал. Он решил выйти на проспекте Труда и пройти до Политеха пешком.

Автобус остановился, Харитонов выпрыгнул и, обернувшись, дождался, пока двери задвинутся. Мужик сидел у окна, казалось, не обращая внимания на Сергея. Автобус тронулся, и Харитонов облегчённо вздохнул – случайность.

Когда Сергей свернул в Политехнический переулок, беспокойство вернулось. Он стал оглядываться по сторонам, особенно обращая внимание на затемнённые места. В целом улица освещалась ярко, пешеходов встречалось мало, машин почти не было, но в тени под деревьями Харитонову время от времени мерещилась мужская фигура. Он ускорил шаг, а дойдя до подъезда старой отреставрированной девятиэтажки, где снимал квартиру, остановился и внимательно осмотрел каждый метр двора. Компания молодых людей на скамейках играла в голографическую игру, какой-то мужчина припозднился домой, вышел из автомобиля и направился к подъезду в противоположном крыле дома, и больше никого. Сергей резко обернулся в ту

сторону, откуда пришёл, и ему показалось, что у угла дома мелькнула чья-то тень. Не может быть! Всё – домой, в подъезд.

Дверь автоматически раскрылась, и Харитонов, в несколько прыжков поднявшись на площадку между первым и вторым этажами, осторожно выглянул в окно. Козырёк подъезда перекрывал обзор. Тогда Сергей поднялся на этаж выше и сразу же увидел отраженного мужика. Да, это был он. Никаких сомнений. Мужик постоял у подъезда и вдруг вскинул голову вверх. Сергей отпрянул от окна, но через пару секунд осторожно выглянул снова: вроде бы мужик его не заметил и уже смотрел в другую сторону.

Тут к нему подошёл второй – в тёмных широких штанах, такой же тёмной кофте с капюшоном и смартглассом на глазах. После короткого разговора преследователь ушёл, а второй пересёк двор и сел в синий хэтчбек, но двигатель не завёл и никуда не поехал. «Всё, накрыли! – подумал Сергей и выругался. – Это явно те ребята, что ждали профессора. Почему следят? Почему не подошли сразу? Может быть, хотят удостовериться, что я – это я, и что за мной не ходят копы? Хорошо, что не стали сразу нападать... Ну, теперь-то я в курсе, ребята. Дырку от бублика вы у меня получите!»

Сергей достал из кармана флешку Пантелея Весёлого и сжал её в кулаке.

Суббота, 1 июня 2080 года. Россия, Воронеж

– Вова, ты почему вчера не зашёл? Я ужин приготовила, да и Дима ждал – хотел с тобой в новую игру поиграть.

Бабичев сидел на кухне у своей младшей сестры и пил чай с овсяным печеньем.

– Даша, я же предупредил вечером, что не приду. У меня много работы было: новое дело. Пришлось столько данных собирать! Домой еле дополз.

Дарья, зеленоглазая длинноволосая шатенка с круглым лицом, сидела напротив и наблюдала за братом.

– А Дима очень ждал: ты же всегда по пятницам приходишь. И он с самого утра ждёт.

– Ну, вот я поэтому сегодня и пришёл. И завтра приду ещё. Эти выходные я проведу с вами полностью.

– А как же твоя Женя? – поморщилась Дарья. – Обидится, небось.

– Не, с ней я договорился, – улыбнулся Владимир. – Мы в понедельник наверстаем.

– Тебе ещё чаю подлить?

– Да, давай.

– Кстати, ты не мог бы поговорить с Димой? Он очки совсем не снимает. Так и живёт в них: то в игры играет, то в соцсетях. С друзьями вживую совсем не общается. В школе только. И на улице почти не бывает. Я уже и запрещать пыталась, и прятала очки утром, чтобы в школу без них ходил. Но всё бесполезно. Одни скандалы только.

– А что тут можно сделать? – посетовал Бабичев. – Это жизнь. Без очков сейчас никак. Тем более Димка только первый класс окончил: ему же надо как-то в коллектив вливаться. А без очков ты ж ведь никто! Димка тебе рассказывал, что было в школе, когда он туда без очков ходил?

– Нет. Да я и не спрашивала. Думаешь, у меня времени много?

– А вот надо было спросить. Представляю, что он чувствовал, когда не мог нормально ни с кем общаться.

– Нормально? По-моему, нормально – это без очков.

– А в его мире это не так. Ты не права, сестрёнка. Больше так не делай. И попробуй с ним поговорить по душам, пока он совсем не замкнулся и не перестал тебя воспринимать как самого близкого человека. А я постараюсь кое-чем помочь. Например, сейчас я поведу его в парк. И вот там он будет гулять на свежем воздухе без очков.

– Ой, спасибо, Вовчик! – Дарья вскочила, обняла брата и поцеловала в щёку. – Какой же ты молодец! Дима, собирайся! Вы с дядей Вовой едете в парк.

– А ты, сестрёнка, – предложил Бабичев, – отдохни дома, поспи.

– Поспи! – хитро прищурилась с улыбкой Дарья. – А вам обед готовить? Придётся-то голодные.

– Да мы в парке поедим и придём ближе к вечеру, – встал Владимир. – А ты себе что-нибудь вкусненькое закажи, фильм какой-нибудь включи и получай удовольствие.

Павел Крюков проснулся раньше жены. Осторожно вылез из-под одеяла, стараясь не разбудить Софию, натянул штаны и тихонько направился в ванную. Затем принялся на кухне готовить завтрак – овсяную кашу. София требовала, чтобы при любой возможности он готовил сам, не используя автоматики, и сама всегда следовала этому правилу. Поэтому Павел налил в кастрюлю молока и, как только оно закипело, высыпал туда хлопья.

Жена, стройная светловолосая женщина сорока лет с короткой стрижкой и острым носом, вошла на кухню, когда Крюков уже начал есть. София открыла кастрюлю, зачерпнула немного каши ложкой и скривилась:

– Опять корицы не насыпал?

– Ты же знаешь, я не люблю. Насыпь себе в тарелку.

– Корицу надо сыпать, когда каша ещё варится. Перед самым выключением. Сколько тебе говорить? Ничего нельзя доверить! – София со звоном закрыла кастрюлю.

Павел промолчал и продолжил завтракать.

– И хоть бы глазом повёл, а! – не унималась жена. – Как об стенку горох! Ничего в голове не укладывается! Сам теперь жри свою кашу. Попробуй только не доесть, – она с грохотом кинула ложку в раковину и вышла.

Крюков спокойно доел свою порцию, выпил чай и пошёл чистить зубы. Потом сел в гостиной и включил головизор двухметровой ширины. Шли новости: рассказывали об очередном саммите руководителей европейских стран, где обсуждали вопрос строительства Стены мира – высокотехнологичного барьера вокруг потенциально опасных исламских государств. Разрабатывалась новая Доктрина мировой безопасности, которая, по заверениям журналистов, полностью изменит ситуацию на планете.

Из ванной раздался крик Софии:

– Да что же это такое! Почему ты пасту опять свернул? Сколько говорила тебе, чтобы не сворачивал! Пальцами трудно выдавить? Обязательно надо в трубочку весь тюбик свернуть! Ты головой вообще думаешь?

Павел увеличил громкость. Он уже давно понял, что если жене не отвечать, то она выговорится и быстро остынет.

София вошла в гостиную:

– Хватит в телек пялиться – уборку кто за тебя делать будет?

– Обязательно сегодня? Соня, у меня была трудная неделя. Я отдохнуть хочу.

– Да, обязательно сегодня. У тебя каждая неделя – трудная.

– Почему не завтра? Или не на следующей неделе? Не обязательно же убирать каждые выходные! Мы что здесь, тонны грязи с улицы приносим?

– Я сказала – сегодня. Уборка должна быть еженедельной. И я хочу хотя бы один выходной проводить в чистой квартире, где пыль комками по углам не валяется.

– Да где ты видишь пыль?! Она ещё и накопиться-то не успела!

– Сказано – сегодня, значит, сегодня, – отрезала София. – Я завтра иду в бассейн. Может, мне из-за твоей безответственности свои планы менять?

– Вот пока ты будешь в бассейне, я всё и уберу.

– Уберёт он! Ага! Если над тобой не стоять, ты ж ничего как надо не сделаешь!

– Хорошо, хочешь сегодня – давай! – начал вскипать Павел. – Убирай сама. Я сегодня ничего делать не буду.

– Что ты мне нервы мотаешь, а?! – вскричала София. – Всё утро пререкаешься, ничего сделать не можешь как следует! Развалился тут! Вставай и вперёд!

– Знаешь, что? – Павел встал и несколько секунд молча смотрел на жену, сдерживая гнев. – Либо я занимаюсь уборкой завтра, либо вообще никогда! Ясно?

София замерла и затихла, плотно сжав губы. Павел прошёл мимо неё в спальню, оделся. Выходя из квартиры, бросил:

– Обедать не приду, – и хлопнул дверью.

– Можешь и ужинать не приходить! – раздался вслед голос жены.

С самого утра солнце жарило нещадно, но в тенистом Центральном парке царила прохлада. Народу было не очень много: иногда на пути попадались даже пустые скамейки. Владимир Бабичев с племянником Димой неторопливо шли по главной аллее и ели мороженое.

– Ну, куда пойдём? – спросил Бабичев. – На горки?

– Нет. В «Лабиринт» хочу!

– А, может, всё-таки на горки? Или на ракету?

– Не, сначала в «Лабиринт».

– Ну, хорошо, пошли.

«Лабиринтом» называли большое двухэтажное сооружение. Внутри него из мягких перегородок была выстроена сложная система коридоров и комнат. Игроки там передвигались только в смартглассах. Очки перед входом подключали к одному из разнообразных режимов облачной программы – обычного шутера с эффектом полного присутствия. Каждый игрок видел выбранные именно им окружающий мир и противников. Других участников тоже было видно, но в событиях друг друга они не участвовали, если только заранее не выбирали мультирежим.

– Есть свободные места? – поинтересовался Владимир у оператора аттракциона.

– Да, там пока пять человек всего.

– Ну, Димка, выбирай игру.

– Мне что-нибудь с монстрами, – попросил Дима. – И третий уровень сложности.

– Сколько времени? – спросил оператор.

– Час, – ответил Бабичев.

– Ну, дя-ядя Вова! – взмолился племянник.

– Хорошо, давайте полтора.

Оператор обернул вокруг диминых рук специальные перчатки с датчиками, застегнул.

– Спасибо! – крикнул Дима и юркнул в «Лабиринт».

Бабичев провёл рукой со смартфоном перед платёжным терминалом и окинул взглядом аллею: свободной скамейки рядом не было. Пришлось развернуть смартфон и найти её в парковом приложении. Владимир забронировал место на скамейке и, заказав пару банок безалкогольного пива, направился туда.

Центральный парк был излюбленным местом горожан. В нём постарались собрать всё для активного и культурного отдыха: аллеи для спокойных прогулок и велодорожки, роллердром, фитнес-зал под открытым небом и теннисные корты, детские площадки и аттракционы, театр и кинотеатр, кафе и пищевые автоматы. А для пенсионеров и инвалидов предусмотрели самодвижущуюся дорожку, проходящую мимо основных развлекательных пунктов парка. Некоторые старички и старушки даже приходили сюда со своими стульчиками и катались на ней часами. Зимой велосипедные дорожки использовались как лыжные, а в глубине парка открывались трамплины и горки. Парк никогда не пустовал, здесь постоянно звучали музыка, смех и разговоры.

Владимир быстро нашёл двухместную скамейку, одно место которой подсвечивалось красным светом, отмечая, что оно забронировано. Рядом уже висел дрон с пивом. Бабичев взял банки и опустился на скамейку, которая тут же приняла удобную для него форму. Он выдвинул из подлокотника специальный держатель и поставил туда одну банку. Потом чуть откинул спинку, закрыл глаза и приготовился к спокойному отдыху.

Мимо проходили шумные компании, семьи с детьми, где-то сзади с треском пронёсся велосипед.

– Товарищ лейтенант, у тебя тут свободно? – раздался рядом знакомый голос.

Бабичев открыл глаза и увидел следователя Крюкова.

– Павел Андреевич, здравствуйте, – поднялся Владимир и протянул руку. – Садитесь, конечно.

– Что ты здесь делаешь, Вова? Отдыхаешь от полицейской рутины?

– Да вот племянника выгуливаю, – Бабичев снова откинулся на мягкую спинку. – Помните, я говорил, что сестра развелась? Она сейчас на кондитерской фабрике работает – на сына времени не хватает. Вот я и помогаю по мере сил.

– Сколько лет племяннику?

– В августе семь уже будет. Первый класс окончил.

– Трудно с ним? – поинтересовался Павел.

– Да не очень. Знаете, наше поколение ещё не так на эти очки подселло, а вот у них уже никто без них не может. Даша пытается приучать Димку хотя бы во время еды снимать их, и то с трудом получается. А так – хороший пацан. И учится хорошо.

– А где же он?

– В «Лабиринте», – хмыкнул Бабичев. – Без этого никак. Пока не побывает там, никуда больше не затащишь! Хотите пива? У меня тут вторая банка как раз.

– Не откажусь.

Крюков открыл банку и сделал пару глотков.

– Как у тебя с Женей? Сам-то не надумал ещё жениться?

– Да рановато ещё, – засмутился Владимир. – Сначала бы вместе пожить какое-то время. Давно думаю, только спросить у неё всё не решаюсь.

– Где же твоя офицерская решительность, Вова? Ты – парень что надо, Женя не откажется. Вы, по-моему, очень хорошо ладите.

– Да вроде да. Надеюсь, что и дальше так пойдёт...

– А у меня вот... – начал Павел. – Мы с тобой знакомы уже давно, ты человек серьёзный – трепать не будешь. Дома у меня в последнее время всё куда-то катится... Не знаю даже... Думаю разводиться.

– Ого, – только и смог сказать Владимир. Он был удивлён, что Павел завёл этот разговор. За два года совместной работы они ни разу не общались на настолько личные темы – так, перебрасывались словом-другим, – но, видимо, сейчас Крюков решил, что наступил тот самый момент.

– Вроде нормально жили, общались. Не сказать, чтоб там любовь великая, но комфортно было вместе жить. А тут в прошлом году Софию как подменили: злиться стала чаще, придираться ко всяким мелочам. Сначала вроде и не часто, не так заметно было. А сейчас – хоть домой не приходи. Пытался поговорить с ней, а она сразу: «Не раздражай». И уходит... Устал я биться, Вова. Да и работать хуже стал, замечаю. Рассеянность какая-то появилась. Пора, наверное, разъезжаться нам.

Павел допил пиво и, открыв пневматическую урну, опустил туда банку. Крышка закрылась, и банку тут же затянуло под землю.

– Не знаю, что сказать, Павел Андреевич. Мне жаль...

Крюков вздохнул.

– Ничего, Вова, как-нибудь переживём. Я вот поделился с тобой – мне и легче стало.

– А может, вам к семейному психологу сходить?

– Я думал об этом, но София о врачах вообще слышать не хочет. Считает, что у неё всё в порядке, а не в порядке только у меня, – усмехнулся Павел. – Но ты, наверное, прав, надо поставить вопрос ребром: либо-либо. Попробую...

Они посидели молча пару минут, наблюдая за ожесточённой борьбой на баскетбольной площадке напротив.

– Вова, – начал Крюков, – какие у тебя мысли по поводу Харитонов? Что думаешь?

– А что тут думать? Прямых-то улик против него нет.

– А давай на минутку представим, что убийца – Харитонов, – предложил Павел. – Допустим, он решает единолично получать доход от изобретения, а для этого надо избавиться от

профессора. Тогда Харитонов выманивает Весёлого в Отрожку и убивает, а нам закидывает мысль о каких-то тайных покупателях, которых и следов-то нет. Жизнеспособная версия?

– Павел Андреевич, не думаю, что тут так всё просто. Во-первых, зачем Харитонов преследовал Весёлого, а не встретил его прямо там? Спектакль перед камерами разыгрывал, чтоб мы потом вот так сидели и гадали?

– «Хвост» высматривал, – подкинул идею Павел.

– Не похоже. Он вёл себя так, будто боялся упустить профессора из виду, а не высматривал слежку. Нет, он не знал, куда шёл Весёлый, это точно. Во-вторых, вирус запустили в сеть утром в день убийства, а профессору начали звонить с анонимных номеров ещё за месяц до этого. Харитонов прикинулся покупателем и целый месяц уламывал Весёлого, чтобы в итоге выманить его в Отрожку? Это можно было бы сделать в тот же день, запустив вирус и пообещав избавить от него за определённую сумму. Или опять спектакль для нас? Слишком сложно. И откуда он вирус взял? Где заказал? Мы всю его переписку, все контакты уже прошерстили. Нет там ничего.

– А Васильев Ярослав? Он первоклассный программист.

– Сын Светослава Васильева?! – изумился Владимир. – Я не верю, что он мог бы участвовать в преступлении. Опорочить такую фамилию! Нет, я этого не допускаю.

– Допускать надо всё, Вова. Любой, кто хоть как-то связан, должен быть под подозрением. Поэтому Ярослава проверьте тщательнейшим образом. В понедельник первым делом, хорошо?

– Хорошо, Павел Андреевич, сделаем.

– Ещё что скажешь?

– Я не понимаю, зачем Харитонову имитировать уничтожение проекта, если он сам при этом попадает в «ловушку» – он же не сможет воспользоваться данными, пока мы их не найдём.

– Или ему их не «вернут». Если проект вдруг «всплывёт», мы обязаны знать как, почему и откуда. Ясно, Вова? Малейшая неувязочка – и Харитонов у нас в руках. Ты всё правильно расписал. Я именно так и представляю ситуацию. Харитонов может быть невиновен, но полной уверенности в этом нет. Надо продолжать следить за ним.

– Сейчас там наши уже дежурят, а я вечером в понедельник заступаю. И дроны всё время на посту. Если что-то должно проявиться, то проявится на днях.

Запищал смартфон Бабичева – полтора часа были на исходе. Владимир отправил племяннику координаты скамейки, и через пять минут Дима уже был тут.

– Димка, познакомься, – сказал Бабичев, – это мой начальник, следователь Павел Андреевич. Я тебе о нём рассказывал.

– Привет, – поздоровался Крюков. – Понравилось в «Лабиринте»?

– Очень! Там такое было! – взхлёб стал рассказывать Дима. – Со всех сторон налетали. И справа, и слева. Еле успевал отстреливаться! А в конце я тако-ого огромного монстра завалил!

– Молодец! – похвалил Владимир. – А теперь снимай очки. Я придумал, что нам с тобой сделать: будем кататься на лошадях. Пойдём?

– Пойдём!

Крюков и Бабичев встали, пожали друг другу руки.

– До свидания, Павел Андреевич. Приятно было пообщаться.

Сергей проснулся поздно – солнце уже стояло высоко. В голове сразу же забился вопрос, что же делать дальше в его ситуации. Сидеть дома и ждать, пока к нему придут, смысла не было. И прежде всего, следовало подумать о самозащите.

Позавтракав незамысловатой яичницей, Харитонов занялся получением разрешения на оружие. Быстро собрав все необходимые справки, он приложил их к заполненной форме на сайте госуслуг, и уже через два часа разрешение появилось в его официальном профиле.

Мысль купить пистолет онлайн Сергей сразу отверг: он хотел всё сам подробно рассмотреть и пощупать. А для этого надо было отправиться в магазин, который оказался на расстоянии всего одной остановки от Политеха.

Сергей надел обтягивающую футболку с системой охлаждения, а сверху – лёгкий пиджак, чтобы скрыть плечевую кобуру, которую он намеревался купить вместе с пистолетом. Осторожно открыл дверь, осмотрел площадку и вышел в подъезд. Спустившись по лестнице до окна между третьим и вторым этажами, Харитонов окинул взглядом двор. Синий хэтчбек с водителем стоял на том же месте, что и вечером. Значит, они не поняли, что он их заметил. Ну и хорошо, пусть следят: флешка уже в надёжном месте. Главное теперь – достать пистолет.

Без происшествий Сергей добрался до оружейного магазина и вышел оттуда обладателем девятимиллиметрового «макарова» под мышкой. Теперь он чувствовал себя более уверенно и спокойно.

Подходя к Политехническому переулку Харитонов вдруг услышал за спиной:

– Сергей! Харитонов!

Он обернулся и с некоторым трудом узнал в улыбающемся полноватом и бритом наголо мужчине своего одноклассника Михаила Разгоняева.

– Мишка? – неуверенно спросил Сергей.

– А кто ж ещё! Вот так встреча! – Михаил развёл руки и заключил приятеля в объятия. – Ты как здесь?

– Да живу тут недалеко. А ты?

– Очки в ремонт отдавал: уронил вчера, и там что-то откололось. Главное, дешевле, чем новые покупать. Привык я к своим, хотя и реклама долбит каждый день: купи новые, купи новые. Ужас просто! Но вот хрен им! Пока совсем не сдохнут, буду со своими старенькими ходить. Ты спешишь?

– Уже нет.

– Может, куда посидеть зайдём? Время – к ужину уже. Сколько лет не виделись-то! Коньячку выпьем, поговорим.

Сергею не хотелось надолго оставлять квартиру пустой, поэтому он предложил:

– Я живу тут в двух шагах. Приглашаю посидеть у меня.

– Отлично! Сейчас по пути коньячку закажем, закусочки. – Михаил хлопнул товарища по плечу. – Серёга! Как я рад тебя видеть!

Не успели они войти в квартиру, как пришло оповещение, что заказ уже на месте. Сергей нажал на пульте «умного дома» пару кнопок, открылось окно, опустилась москитная сетка, и в комнату влетели два курьерских дрона с коробками. Харитонов забрал еду и выпивку, и доставщики тут же ретировались. Друзья достали две бутылки коньяка, курицу-гриль, картошку фри и уже нарезанные овощи.

– Ну что, Гонщик, – назвал одноклассника его школьным прозвищем Сергей, – я о себе рассказал, теперь твоя очередь. Где работаешь? Женат?

– Не, с женой не сложилось. Жил то с одной, то с другой. Не то всё как-то. Не для меня, видно, семейная жизнь. А может, оно и к лучшему: детей нет, сексуальная жизнь разнообразная, а? – подмигнул Разгоняев. – А то что – всё с одной да с одной! Так и с тоски помереть можно!

– А квартира есть у тебя? – наполняя рюмки спросил Харитонов.

– Я снимаю. То там живу, то здесь. Люблю разнообразие во всём!

– Ну, давай, за встречу!

Они выпили, зажевали помидорчиком. Михаил принялся разделять курицу, Сергей открыл банку с горчичным соусом, обмакнул и кинул в рот картофельную палочку, а затем налил снова коньяка.

– Ты университет так и закончил по экономике?

– Ага. С красным дипломом, – жуя, проговорил Михаил. – Каких он мне трудов стоил, ты себе не представляешь! Жуть просто! По ночам сидел учил. У одного препода так дополнительные уроки по сети брал. Никакой личной жизни, прикинь?! Я полысел к диплому. Реально! Видишь, сейчас бреюсь наголо, чтоб лысину не было видно, – он похлопал себя ладонью по затылку. – На защиту бритым пришёл – все отпали вообще! Представляешь, вхожу такой, а башка лысая напрочь! Меня даже не узнали сначала. Но диплом нормально защитил.

Друзья выпили ещё по рюмке.

– Ну, а с работой что?

– Предлагали мне в аспирантуру, но я что, дурак что ли? Ой, ха-ха, извини – это я не в твой огород. Я сугубо об экономике. Так вот, я ж не дурак столько времени тратить. Я думал, что эти годы с пользой потрачу на карьеру свою. Да вот хрена лысого! – Разгоняев снова похлопал себя по затылку. – В одной фирмёшке поработал, в другой. Всё как-то не то... Давай по третьей.

Михаил наполнил рюмки:

– Чтоб нам с тобой не в последний раз встречаться! За поддержание отношений!

– Полностью согласен!

Картошка стремительно убывала, курица уже была наполовину съедена.

– Отличный коньяк! – сказал Михаил. – Я только его и пью. Как тебе?

– Очень хорошо.

– Тогда открывай вторую.

Выпили снова.

– Вот, – продолжил Разгоняев. – Поработал я там, сям. Не пошлб. Организовал свой магазин. Бюстгальтеры решил продавать. Ну и остальное бельишко там. Прикинь? Думал, вот, вокруг столько всяких девчонок будет! По фану, в общем, замутил дело. А оно тоже не пошлб. Девчонок, правда, много было, это да. С двумя даже успел пожить вместе. Недолго, конечно... За магазином я не следил особо, он и накрылся. Ну и шут с ним! Надоел он мне до чёртиков: товар покупай, продавай, налоги, проверки, зарплаты. Ой, хуже некуда.

– Ну, а сейчас-то где?

– Да такой случай выпал! Я даже сам не ожидал, реально. Кидаю резюме на «Джобс», и через неделю получаю приглашение на финдира, прикинь! Пришёл на собеседование, поболтал с шефом о жизни, и меня взяли. До сих пор удивляюсь. Но вот уже три года работаю и всё окей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.